

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ДЕТЕЙ-СИРОТ В XVI–XVIII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В СООТВЕТСТВИИ С МАГДЕБУРГСКИМ ПРАВОМ

Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев)

В рассматриваемое время часто случалось так, что мещане, потеряв своего супруга (супругу), вступали в повторный брак. Это накладывало отпечаток на проблему отцов и детей. Не всегда взаимоотношения между детьми от первого брака и мачехой либо отчимом складывались благополучно. Как отмечает в своем труде Б. Гроицкий, мачеха временами позволяла себе поднимать руку на детей от первого брака ее мужа, причем даже в его присутствии [4, s. 51]. Однако правовед, осуждая подобное поведение женщины, ни как не высказывает своего отношения к тому, если бы подобная ситуация имела место между приемными детьми и отчимом. Это было обусловлено патриархальным характером семьи. Отца, как главу семейства, обязаны были уважать вне зависимости от того, каким он был человеком.

Исследования работ Б. Гроицкого позволяет утверждать, что в XVI–XVIII вв. был хорошо развит институт опекуна, что было обусловлено большим количеством детей-сирот. Для защиты интересов таких детей в обязательном порядке назначался опекун. Опекун мог быть назначен их усопшими родителями через завещание. Если этого сделано не было, то осиротевшие дети могли быть отданы в опеку одному из родителей, который остался жив, если токовой был, или кого-либо из ближайших родственников. Одновременно, местные органы власти назначали куратора, в обязанности которого входило следить за тем, как осуществляется опека. В том случае, если у сироты не было ни родителей, ни родственников, то опекун назначался из числа почтенных жителей города [4, s. 27]. Причем взять на себя обязанности опекуна мог заставить «уряд», и человек не мог отказаться от этой почетной миссии, если на то не было достаточных оснований. В качестве таковых признавались: 1) большое количество собственных детей; 2) государственная служба; 3) длительное путешествие в то время, когда необходимо было исполнять обязанности опекуна; 4) финансовый недостаток; 5) болезнь; 6) неприязненные отношения опекуна и усопшего; 7) возрастные ограничения (старше 70 лет, либо младше 25) [4, s. 25]. Эти же причины и не позволяли претендовать на опеку над детьми. Также к опеке не допускались должники или кредиторы усопшего. Это было связано с тем, что такой человек мог использовать свое положение опекуна в корыстных целях [4, s. 49].

Опекун должен был заменить сироте родителей, защищать интересы ребенка, заботиться о нем, заниматься его воспитанием и образованием [4, s. 26–27]. Однако, он не был обязан содержать сироту на свои собственные средства, а если и делал это из сострадания, то впоследствии не мог к своему подопечному предъявлять каких-либо претензий, по этому поводу [4, s. 165]. Опекун от имени опекаемых, как наследников, обязан был взыскивать и выплачивать долги усопшего [4, s. 69]. Также он не имел права что-либо дарить из имущества

сироты, за исключением тех случаев, когда это могло привести к получению прибыли или по необходимости [4, s. 55]. В последнем случае опекун обязан был обратиться в суд и получить разрешение от судьи [4, s. 55]. С целью защиты имущества несовершеннолетних детей городское законодательство предусматривало для опекунов составление ежегодных отчетов опекаемым ими имуществом¹ [4, s. 116].

Еще одной обязанностью опекуна являлась защита интересов несовершеннолетнего в суде. В связи с этим, несовершеннолетний ребенок мог отказаться отвечать перед судом без своего представителя, опекуна [5, s. 129]. Всевозможного рода сделки, совершаемые несовершеннолетними без присутствия их опекунов, не имели юридической силы, поэтому опекун должен был присутствовать при их заключении [4, s. 71].

Если опека осуществлялась над девочкой, и она была единственным ребенком своих родителей, то опекун обязан был вместо отца выдать ее замуж и при этом наделить приданным, включающим все унаследованное ей имущество [4, s. 242].

Отношения между опекуном и подопечным регулировались на основании инвентаря², составление которого было обязательным условием [5, s. 175]. И только составитель завещания мог освободить опекунов от этой обязанности, считалось, что он лучше знает, что будет правильно для его детей. Однако местные органы власти имели право обязать опекуна составить инвентарь, если существовали какие-либо обстоятельства, которые могли быть неизвестны составителю завещания, по поводу честности опекуна [4, s. 36]. Наличие инвентаря позволяло контролировать деятельность опекунов и тем самым защищать интересы несовершеннолетних сирот, поскольку на основании инвентаря опекуны передавали имущество своим подопечным, когда те достигали совершеннолетия [4, s. 30].

Как отмечает Б. Гроицкий, нередко были случаи, когда опекуны, принявшие опеку над осиротившими детьми, злоупотребляли своим положением, создавая инвентарь, не вносили в него все имущество, что приводило к ущемлению прав несовершеннолетних детей усопшего. Иногда опекуны не сообщали о средствах, перешедших к ним после взыскания долгов, сведения о которых также вносились в инвентарь. Для борьбы с подобными явлениями уряд печатывал имущество усопшего, и опекун обязан был принести присягу в том, что составит справедливый инвентарь, ничего не утаивая. Кроме того, если становилось известно о подобном явлении, то опекуна отстраняли от опеки, и больше никогда не поручали опеку над несовершеннолетними сиротами [4, s. 34]. Для обеспечения сохранности имущества сироты, опекун представлял суду поручителей, которые возмещали сироте ущерб, причиненный нерадивыми действиями опекуна [4, s. 58]. В случае с поручительством, также как и с

¹ Данные отчеты должны были отражать состояние дел (приходы и расходы), но не включать перечень всего имеющегося в опеке имущества [4, s. 122–123]. Полный же отчет опекун представлял позже, по достижению сиротами совершеннолетия.

² «Инвентарь составляется наследником или опекуном несовершеннолетних детей в присутствии представителей уряда на вещи, которые находятся в имени умершего или должника, хоть и не умершего, в соответствии с определенными правовыми нормами» [5, s. 175]

инвентарем, человек, осуществляющий опеку, освобождался от необходимости представлять поручителей, если это было определено завещанием отца опекаемых³ [4, s. 59]. Уряд также мог освободить опекуна от этой обязанности, если человек, назначенный опекуном, не однократно и добросовестно осуществлял свои обязанности [4, s. 59–60].

Опекуны, осуществляя опеку, имели право купить недвижимость за деньги сирот, которая в последствие переходила детям, когда они достигали совершеннолетия. В то же время им запрещалось продавать недвижимость своих подопечных, за исключением тех случаев, когда 1) нужно было выплачивать вено супруге усопшего; 2) не хватало средств для содержания сирот; 3) на имущество сирот кто-либо посягал, и опекун не мог его защитить по-другому, только как с помощью продажи; 4) не было возможности сохранить его в целости до совершеннолетия детей; 5) имущество сирот находилось в заставе, и такая застава приносила убытки, поскольку набегали проценты; 6) нужно было выплачивать долги усопшего [4, s. 67, 68]. Мог опекун взять у опекаемого деньги, но только в долг, а значит должен был и оформить все соответствующим образом, то есть вписать себя в число должников [4, s. 67].

Согласно городскому законодательству, опекун не получал вознаграждение за свою деятельность [4, s. 159]. Это также делалось для защиты интересов сирот. В данном случае мы сталкиваемся с несколько иным подходом к организации опеки в городах по сравнению с остальными местностями Речи Посполитой, так как общегосударственное законодательство предусматривает установление платы опекуну в виде $\frac{1}{10}$ со всех доходов подопечного, что нашло отражение в артикуле 7 пятого раздела Статута 1529 г., артикуле 4 шестого раздела Статута 1566 г. и в 4 артикуле шестого раздела Статута 1588 г. [1, с. 64; 2, с. 143–144; 3, с. 227]. Хотя иногда местные органы власти назначали, в силу ряда причин (например, бедность опекуна) оплату работы опекуна [4, s. 161]. Если суд принял постановление о подобной награде, то опекун получал ее только по окончании исполнения своих полномочий [4, s. 166]. Также опекуну назначалось содержание, если он собирался ехать в другой город по делам сироты, например, что-либо продавать или покупать [4, s. 160].

Как отмечалось выше, опекуном мог быть и один из родителей. В том случае, если опекуном своих детей становился отец, то он не был обязан составлять инвентарь, поскольку все, что внесла в его дом супруга, относилось к наследству, и он как глава семьи должен был им управлять [4, s. 44]. Несовершеннолетние дети не имели права требовать от своего отца передачи им наследства, оставленного матерью. Это было обусловлено тем, что зачастую они, в силу своего возраста и неумения управлять имуществом, растрачивали его. В том же случае, если их родитель «прославился» своими расточительными действиями или заключил новый брачный союз, такое право у них появлялось [4, s. 304].

Несколько иначе обстояло дело, если опеку над детьми осуществляла мать или бабушка. Данная практика, была новым явлением, поскольку изначально

³ Мать не имела права при составлении завещания освободить опекунов от составления завещания [4, s. 59].

опека считалась прерогативой мужчин. Однако, исходя из того, что мать не может ничего плохого желать своим детям, она получила право осуществлять опеку над своими детьми [4, s. 48]. Как и любой другой опекун, мать обязана была составлять инвентарь имущества, которое переходило ей под опеку [4, s. 50]. В то же время, она могла отказаться от опекунских обязанностей, если у нее не было желания их исполнять [4, s. 49]. Стоит также отметить, что существовал ряд препятствий, не позволяющих матери осуществлять обязанности опекуна: 1) мать вела непристойный образ жизни; 2) вступила в повторный брак [4, s. 49]⁴. Эти же причины приводили и к отстранению матери от обязанностей опекуна. Причем передать опекунские обязанности она должна была, еще до вступления во второй брак [4, s. 50]. Более того, она не могла получить опеку над своими детьми, даже в том случае, если в скором времени становилась повторно вдовой, даже если была более состоятельной женщиной, чем опекуны ее детей [4, s. 55].

Независимо от того, кто осуществлял опеку – мать или отец, они, как и все остальные опекуны, не имели права растрачивать имущество подопечных. Если такие обстоятельства имели место, то кураторы или суд лишали их права опеки над детьми и принимали все имущество сирот под свою опеку. Кроме того, нерадивый родитель должен был возместить причиненный ущерб, причем в том объеме, который бы позволил в дальнейшем осуществлять заботу о несовершеннолетних на должном уровне и позже обучить их ремеслу, соответствующему их социальному статусу [4, s. 53 – 54].

Опека осуществлялась до тех пор, пока мальчик не достигал 14 лет, а девочка 13. До этого времени опекунские обязанности могли быть сняты с человека либо в случае смерти одной из сторон, либо в случае усыновления (удочерения) подопечного [4, s. 233]. Однако по достижению молодым человеком 14-летнего возраста, снятие опеки было не обязательным условием, это могло иметь место только тогда, когда этого желал сам опекаемый. Одновременно, он просто мог высказаться за смену опекуна [4, s. 228]. В то же время, дети, хотя и получали право пользования, но без разрешения родственников или знакомых, еще не могли продавать имущество вплоть до достижения ими 24 лет [4, s. 303].

Опекун, по достижению детьми совершеннолетия, передавал им их имущество в том объеме, в котором он принял его под опеку [5, s. 177]. Возвращая имущество, опекун составлял соответствующий документ-отчет, в котором указывал, как обстоят дела, что было растрчено, какие средства были получены за время управления имуществом подопечного [4, s. 144–145]. Причем подобный отчет обязаны были составлять все без исключения опекуны [4, s. 154]. Если опекун что-либо утрачивал из доверенного ему в опеку имущество, то должен был это вернуть из своих средств [4, s. 155]. В свою очередь опекаемые, достигнув совершеннолетия, имели право в течение года и шести недель предъявить претензии к своим опекунам о возвращении утраченного последними имущества, если они этого не сделали в положенный срок, то лишались права вообще в дальнейшем выдвигать иски к своим опекунам по

⁴ В данном случае мать не могла стать опекуном своих детей, в силу того, что она могла пренебречь своими обязанностями в пользу нового супруга.

данному поводу. Срок давности мог быть увеличен в том случае, если дети находились к моменту своего совершеннолетия за пределами страны. Он составлял 31 год и шесть недель [4, s. 68–69]. По достижению сиротами совершеннолетия они обязаны были принять дела от своих опекунов и «квитовать», то есть освободить их от опекунских обязанностей, если они отказывались, то их могли обязать сделать это в судебном порядке [4, s. 189].

Останавливается в своих работах Б. Гроицкий и на вопросах правовой ответственности несовершеннолетних детей. Так несовершеннолетние дети не должны были выступать в суде, исключение делалось только если 1) кто-либо оставил в закладе у их усопшего отца свое имущество и хотел его выкупить; 2) если кто-либо поручился за их отца и был вызван в суд по его делу еще при жизни последнего, то несовершеннолетние обязаны прийти в суд и освободить данного человека от поручительства; 3) если бы их покойный отец был вызван в суд по поводу наследства, и дело при его жизни не было окончено [4, s. 302]. Малолетние дети, не достигшие семилетнего возраста, не несли ответственности за совершенные ими преступления, даже такие тяжкие, как убийство, так как считалось, что они еще не понимают, что плохо, а что нет [5, s. 211–21].

Таким образом, памятники городского права проливают свет на взаимоотношения между родителями и детьми. Крайне скупое городское законодательство отражает практику воспитания подрастающего поколения, ограничиваясь методами наказания за проступки. Несколько подробнее городское право регулирует взаимоотношения между взрослыми детьми и их родителями, проливая свет на их права. Наиболее подробно рассматриваются вопросы, касающиеся опеки и положения детей сирот, что позволяет утверждать, что в XVI–XVIII вв. в городах Беларуси был хорошо развит институт опекунства.

Литература:

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К.И. Яблонкиса. – Минск: Академия наук БССР, 1960. – 253 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 / рэдкал.: Т.І. Доўнар [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2003. – 315 с.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: І.П.Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989. – 573 с.
4. Groicki, B. Obrona sierot i wdów/ B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1958. – 345 s.
5. Groicki, B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej / B. Groicki. – Warszawa: Wydaw. Prawnicze, 1953. – 258 s.